

**ЗАКОНЫ О „НАЦИОНАЛЬНОМ УРАВНЕНИИ”
В МОРАВИИ 1905 Г., НА БУКОВИНЕ 1910 Г. И В ГАЛИЦИИ 1914 Г.:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

**“THE NATIONAL EQUALIZATION” LAWS IN MORAVIA (1905),
BUKOVINA (1910) AND GALICIA (1914):
COMPARATIVE CHARACTERISTICS**

Ульяна УСКАЯ

Украинский католический университет во Львове
ulyana_uska@yahoo.de

Rezumat: *Legile privitoare la „nivelarea națională” din Moravia (1905), Bucovina (1910) și Galiția (1914): analiză comparativă.* Articolul prezintă esența conceptului de „egală îndreptățire națională” pe baza analizei comparative a reformelor din domeniul statutului teritorial și al sistemului electoral din Moravia (1905), Bucovina (1910) și Galiția (1914). Au fost identificate particularitățile implementării reformei în domeniul sistemului politic local, ținând cont de realitățile etnice și profesionale în provinciile austriece menționate mai sus. De asemenea, analiza efectuată a avut ca scop evaluarea influenței „nivelării naționale” asupra potențialului conflictual interetnic, în contextul intensificării mișcărilor naționale în perioada premergătoare Primului Război Mondial.

Résumé: *Les lois concernant « le nivellement national » en Moravie (1905), en Bucovine (1910) et en Galicie (1914): une analyse comparative.* Dans l'article ci-joint, on définit la notion d'« égalité des droits nationaux » à la base de l'analyse comparative des réformes du domaine du statut territorial, ainsi que du système électoral de Moravie en 1905, de Bucovine en 1910 et de Galicie en 1914. On y identifie les particularités de l'implémentation de la réforme dans le domaine du système politique local, tenant compte des relations interethniques et confessionnelles des provinces autrichiennes mentionnées ci-dessus. De plus, on réalise l'évaluation de l'influence du « nivellement national » sur le potentiel conflictuel interethnique, dans le contexte de l'intensification des mouvements nationaux dans la période précédant la Première Guerre Mondiale.

Abstract. *The article presents the essence of the concept of “national equalization”, based on a comparative analysis of the reforms of regional statutes and regional election*

orders in Moravia (1905), Bukovina (1910) and Galicia (1914). We have explained the features of reforms of local political systems in view of the interethnic and inter-confessional relations in the above-mentioned Austrian provinces. In addition, the analysis aimed to evaluate the impact of the “national levelling” on the potential interethnic conflict, in terms of intensification of national movements before the World War I.

Keywords: *national equalization, national compromise, Moravia, Bukovina, Galicia, Austria-Hungary.*

Вступление

В течение последних десятилетий внимание исследователей привлекает изучение процесса национальной самоидентификации сообществ, а, в частности, определение факторов, которые отвечают за формирование стремления нации к участию в политических процессах в условиях мультинациональных обществ, или, наоборот, к самоопределению и созданию собственной государственности. Система государственного управления многонациональной Австро-Венгрии предусматривала несколько моделей решения национальных вопросов, которые строились на идее одновременной автономизации провинций и реализации „национального уравнивания“. Само понятие „национального уравнивания“ за период „конституционной эры“ (1861–1918) претерпело значительные эволюционные изменения, в результате чего к началу XX в. оно превратилось в „краеугольный камень“ концепции современной национальной политики Австро-Венгрии. Она предусматривала введение национального принципа в политическую систему на провинциальном уровне, в частности, в Моравии (1905), на Буковине (1910) и в Галиции (1914).

Формулировка проблемы

Моравское „уравнивание“ 1905 г. оказалось предметом изучения нескольких поколений историков, которые были склонны рассматривать межнациональный конфликт в контексте достижения политического компромисса в условиях дуалистического федерализма и непримиримой межпартийной борьбы на провинциальном уровне¹; с позиций реформирования

¹ H. Glassl, *Nationale Autonomie im Vielvölkerstaat: Der Mährische Ausgleich*, in: „Schrif-

управленческой системы для защиты прав национальных меньшинств²; на основании комплексного правового, политологического, социологического, этнокоммуникационного, конфликтологического подходов для обобщения его исторических последствий³. Большинство ученых склонны трактовать Буковинское „уравнение” 1910 г. как положительный пример межнационального компромисса в условиях отсутствия „титულიной” национальности, которая составляла бы большинство населения провинции⁴. Другие же, наоборот, опровергают миф о согласии между несколькими „равно-статусными” национальностями на Буковине, анализируя их политическую борьбу во время избирательных кампаний, особенности этнополитического взаимодействия и социально-политическую активность сообществ⁵. В свою

tenreihe der Sudetendeutschen Stiftung“, München, 1967, Heft 1: <http://www.mittleeuropa.de/maehr-ausgl03.htm>; F. Prinz, „Der Mährische Ausgleich” von 1905. *Historisches Kuriosum oder zukunftsträchtiges Modell*, in: „Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte”, München, 1997, Bd. 60, S. 963-972.

² P. Pernthaler, *Die Entstehung des völkerrechtlichen Menschenrechts- und Minderheitenschutzes im 19. und 20. Jahrhundert*, in: *Zur Entstehung des modernen Minderheitenschutzes in Europa. Handbuch der europäischen Volksgruppen*, Wien–New York, 2006, Bd. 3, S. 88–92.; I. Reiter, *Die autochthonen Volksgruppen Österreichs. Ein Überblick über die Rechtslage von 1848 bis in die Gegenwart*, Berlin, 2001, in: <http://www.forhistiur.de/2001-08-reiter/?l=de>.

³ См.: *Der Mährische Ausgleich von 1905. Möglichkeiten und Grenzen für einen nationalen Ausgleich in Mitteleuropa. Tagungsband*, Brno, Matices moravská, 2006.

⁴ J. Leslie, *Der Ausgleich in der Bukowina von 1910: Zur österreichischen Nationalitätenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg*, in: „Geschichte zwischen Freiheit und Ordnung. Gerald Stourzh zum 60. Geburtstag”, Graz–Köln–Wien, 1991, S. 113–144.; O. Kotzian, *Der Bukowina-Ausgleich 1910: Beispiel einer Lösung ethnische-riligiöser Konflikte*, in: „Bukowina. Wspólnota kultur i języków: praca zbiorowa”, Warszawa, 1992., S. 11–18; G. Stourzh, *Der nationale Ausgleich in der Bukowina 1909/1910*, in: „Die Bukowina. Vergangenheit und Gegenwart”, Bern–Berlin–Frankfurt a. M., 1995, S. 35–52.; A. C. Onciul, *Aurel Ritter von Onciul und der nationale Ausgleich in der österreichischen Bukowina: eine wissenschaftliche Dokumentation*, Nürnberg, 1999.

⁵ T. Hensellek, *Die Bukowina nach dem Ausgleich: Studien zur Landespolitik im Herzogtum Bukowina von 1909 bis 1914*, Hamburg, 2011.; I. Монолатій, *Австрійська Буковина: особливості національних, професійних та мовних поділів* [Austrian Bukovina: peculiarities of national, professional and language divisions], in: „Незалежний культурологічний часопис „І” [Independent cultural journal „YI”], Чернівці, 2009, Ч. 59. in: <http://www.ji.lviv.ua/n56texts/monolatij1.htm>; I. Монолатій, „Буковинська згода” у контексті історії міжетнічних компромісів у Дунайській монархії”

очередь, Галицийское „уравнение” 1914 г. исследовалось с точки зрения процесса достижения польско-украинского компромисса в ожесточенной политической борьбе по поводу наработки модуса сеймовой избирательной реформы⁶; в контексте процесса „углублённой” автономизации Галиции⁷; или с точки зрения реализации принципов современной национальной политики Австро-Венгрии⁸. Однако, до сих пор в историографии отсутствует существенная трактовка понятия „национальное уравнение”, как ключевого в создании моделей локальных политических систем с определенными элементами национально-экстерриториальной автономии в Моравии, на Буковине и в Галиции.

Цель статьи – определить сущность понятия „национальное уравнение”, проследить особенности реализации реформ локальных политических систем, учитывая межнациональные и межконфессиональные отношения в

[„Bukovinian consent” in the context of the history of interethnic compromises, in Danube monarchy], in: „Буковина толерантна” [Tolerant Bukovina], <http://buktolerance.com.ua/?p=1124>.

⁶ J. Buszko, *Sejmowa reforma wyborcza w Galicji: 1905–1914* [The Diet’s electoral reform in Galicia: 1905-1914], Warszawa, 1956.; S. Grodziski, *Sejm krajowy galicyjski 1861–1914* [The Country Diet of Galicia 1861-1914], Warszawa, 1993, t. 1.; Ю. Плекан, *Боротьба за реформу виборчого законодавства до Австрійського парламенту та Галицького сейму (кінець XIX – початок XX ст.)* [The fight for reform of electoral legislation to the Austrian Parliament and the Galician Diet (late XIX – early XX centuries)], Івано-Франківськ, 2008.; І. Монолатій, „Галицький” компроміс 1914 року: старт чи фініш українсько-польського примирення? [„Galician” compromise in 1914: start or finish of the Ukrainian-Polish reconciliation?], in: „Незалежний культурологічний часопис „І”. Україна–ЕС: Транскордонна Галичина” [Independent cultural journal „I”. Ukraine–EU: Transboundary Galicia], 2010, Ч. 64., in: <http://www.ji.lviv.ua/n64texts/64-zmist.htm>.

⁷ H. Binder, „Galizische Autonomie” – ein streitbarer Begriff und seine Karriere, in: „Der Mährische Ausgleich von 1905. Möglichkeiten und Grenzen für einen nationalen Ausgleich in Mitteleuropa. Tagungsband”, Brno, 2006, S. 239–266.; S. Pijaj, *Pokusy o polsko-ukrajinskou dohodu v Haliči* [Attempts by the Polish-Ukrainian agreement in Galicia], in: *Der Mährische Ausgleich von 1905. Möglichkeiten und Grenzen für einen nationalen Ausgleich in Mitteleuropa. Tagungsband*, Brno, 2006, S. 267–278.

⁸ B. Kuzmany, *Habsburg Austria: Experiments in Non-Territorial Autonomy*, in „Ethnopolitics”: Formerly Global Review of Ethnopolitics, Vol. 15, 2016, No. 1, p. 43–65; Idem, *Der Galizische Ausgleich als Beispiel moderner Nationalitätenpolitik?*, in: „Galizien: Peripherie der Moderne – Moderne der Peripherie? Sonderdruck aus Tagungen zur Ostmitteleuropaforschung”, Marburg, 2013, Bd. 31, S. 123–141.

Моравии, на Буковине и в Галиции, осуществить оценку влияния „уравнения” на состояние межнациональной конфликтности в условиях активизации национальных движений накануне Первой мировой войны.

Теоретические дебаты по вопросам национальной автономии

В начале XX в. австрийские социал-демократы Отто Бауэр и Карл Реннер рассматривали понятие „национального уравнения” в контексте процесса создания национальных автономий в условиях многонациональной империи Габсбургов, на пути ее эволюционного превращения в „государство национальностей”. В частности, О. Бауэр считал, что для каждого гражданина Австро-Венгрии нужно создать условия для реализации своей двойственной идентичности – политической, основанной на правах и свободах австрийского гражданина, и национальной, что воплощается в системе общественного самоуправления и реализуется для удовлетворения культурных потребностей на краевом уровне. По его мнению, персональная автономия должна осуществляться не через „конституирование нации, как территориальной корпорации, а как сугубо личного, персонального союза”⁹, который оставался бы разграниченным с публичным (государственным) управлением. Она должна предусматривать создание национальных кадастров избирателей с правом граждан открыто декларировать свою политическую идентичность и, таким образом, формировать отдельные национальные окружные представительства, руководствоваться демократическими нормами управления, принципом экстерриториальности, обеспечивая все гражданские свободы. Поскольку „древнее австрийское дуалистическое управление, – странная смесь сословных пережитков, бюрократического централизма и либерального „самоуправления” – потерпело полное банкротство”¹⁰, то лишь национально-экстерриториальная автономия способна обеспечить реальную свободу и равенство наций.

Более консервативных взглядов придерживался К. Реннер*, который в 1902 г. выдвинул идею превращения Австро-Венгрии в национально-федеративное государство. По его мнению, институт национально-экстер-

⁹ О. Бауэръ, *Національний вопросъ и соціалдемократія* [National Question and Social Democracy], СПб, 1909, с. 368.

¹⁰ О. Бауэръ, *op. cit.*, с. 414.

* Его труды печатались под псевдонимом Рудольф Шпрингер или Синоптикус.

риториальной автономии должен был действовать по персональному принципу, но при этом оставаться интегрированным в систему государственного управления. В частности, речь шла о создании национальных представительств (общинного, уездного, окружного), которые формируются путем вписывания избирателей в так называемые „национальные матрикулы“, то есть национальные кадастры избирателей. Граждане делегируют органам государственного управления – двуязычным общинным, уездным, окружным советам – часть своих полномочий, касающихся общего управления делами. Количество делегированных от отдельной нации представителей в советы должно быть пропорциональным количеству лиц, занесенных в матрикулы. В этих условиях, по мнению К. Реннера, политическая борьба между национальными представителями на всех властных уровнях будет неуместной и экономически невыгодной; вследствие чего в процессе решения поставленных задач между ними неизбежно реализуется „уния“ – политический компромисс. Для национальных образований в советах не предвиделось право вето или вето, а все решения должны были приниматься на основе политического консенсуса¹¹.

При этом К. Реннер выдвинул два фундаментальных условия функционирования национально-экстерриториальной автономии: 1) демократичность выборов, проведенных согласно принципам всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, поскольку „...без полного демократизма в конституции и управлении нет в Австрии национального мира, экономического прогресса“¹²; 2) введение налогообложения на основе национальных матрикул, в результате чего, кроме государственного и провинциального бюджетов, возникали бы также бюджеты национальных сообществ для финансирования их культурных потребностей.

Моравский компромисс 1905 г.

Обоснованная К. Реннером идея о необходимости интеграции института национально-экстерриториальной автономии в существующую систему государственного управления составила основу современной национальной политики Австро-Венгрии, которая была впервые реализована в 1905 г. в „законах о национальном уравнивании“ в Моравии. Эти законы представ-

¹¹ Р. Шпрингер, *Национальная проблема: борьба национальностей в Австрии* [The national problem: the struggle of nationalities in Austria], Москва, 2010, с. 212–287.

¹² Р. Шпрингер, *op. cit.*, с. 223.

ляют собой комплекс политико-правовых изменений, внесенных в краевой устав и краевой избирательный порядок Моравии от 27 ноября 1905 г., а также в закон о регулировании использования провинциальных языков в автономных органах власти от 27 ноября 1905 г., в закон об основании, содержании, инспекции публичных народных школ от 27 ноября 1905 г.

В современной теории государственного управления различают два типа национально-экстерриториальной автономии – национально-политическую и национально-культурную. Первая предусматривает предоставление отдельной национальности, как официально признанному субъекту конституционных отношений, определенных мандатных квот при формировании представительских органов власти, деятельность в парламенте национальных образований и т. п. Вторую – понимают как экстерриториальную форму самоуправления этнических групп, расселенных дисперсно, с целью обеспечения их культурных прав (языковых, образовательных и др.). Организационными формами национально-экстерриториальной автономии являются национальные общины, советы, объединения, общества, центры.

Однако в австрийском законодательстве существовал лишь институт территориальных общин, которые пользовались определенным автономным статусом и по своему составу преимущественно были многонациональными. Законы о „национальном уравниии“ в Моравии 1905 г. не вводили отдельного института национальных общин, что ставит под сомнение существование национально-культурной автономии в ее современном понимании. Однако в этих законах прослеживается наличие нескольких элементов национально-экстерриториальной автономии: политико-правовых механизмов регулирования языкового вопроса, создания сети национальных школ, формирования в краевом ландтаге национальных курий с определенным политико-правовым статусом, реализацию принципа этничности при создании национальных кадастров избирателей и национально фиксированных избирательных округов.

К особенностям „национального уравниии“ в Моравии относится внедрение качественно нового механизма обеспечения равноправия провинциальных языков на основе паритетного их использования в делопроизводстве и коммуникации в территориальных общинах, краевых органах власти; создание обособленных чешских и немецких территориальных, уездных и окружных школьных советов; а также разделение Краевого школьного совета на две автономные национальные секции.

Примечательно, что 1905 г. для формирования системы начального и среднего образования в Моравии была заимствована „богемская модель” 1873 г. национально и территориально обособленных школьных уездов, внедрение которой давно лоббировали моравские немцы¹³.

В условиях отсутствия реформирования системы налогообложения и изменения схемы распределения бюджетных средств согласно национальному принципу на уровне территориальных общин, уездов, краевой администрации, центральных органов власти, покрытие расходов народных школ и школьных советов оказалось недостаточным*. Если национальное сообщество признавалось финансово несостоятельным, то в результате слушаний с участием уездных и территориальных школьных советов Краевой школьный совет мог принять решение о назначении школе помощи, которая выплачивалась из краевого бюджета. Исключительно для обеспечения права национального меньшинства на обучение детей на родном языке в местностях, где не было народной светской школы, предполагалось создание частной школы. Если такая частная народная школа насчитывала 30 и более учеников, то Краевой комитет по согласованию с наместником мог назначать ей годовую помощь в размере 1 тыс. крон на каждые 30 учеников.

В политической сфере „национальное уравнение” имело своей целью обеспечить моравским немцам автономное самоуправление в мононациональных общинах, а политическое лидерство в ландтаге разделить с чехами на паритетной основе. Для этого в процесс формирования краевых представительских органов власти впервые закладывался национальный принцип. Однако реформирование избирательной системы на основе национального равенства (т. е. фиксированного пропорционального соответствия количества избирателей определенной национальности к количеству национальных мандатов) и внедрение всеобщего голосования в корне могло изменить расстановку национально-политических сил в представительских органах власти, что сделало бы дальнейшее господство немцев в Моравии невозможным. Поэтому, на практике, модернизация национальной политики Австро-Венгрии выглядела как сохранение

¹³ H. Glassl, *op. cit.*

* Следующее десятилетие краевой политики было посвящено решению финансовых проблем, в результате чего в краевое законодательство были внесены многочисленные изменения относительно налогообложения населения и распределения бюджетных средств.

существующего „status quo”, поскольку в избирательный модус закладывалась устаревшая куриально-цензовая схема, которая модернизировалась за счет внедрения принципа этничности с применением прямого голосования в каждой курии с закреплением фиксированного количества национальных мандатов и территориально обособленных национальных избирательных округов.

Такая модернизация локальной политической системы не нарушала традиционные основы сословного представительства в Австро-Венгрии, которые гарантировали представителям табулярной земельной собственности и крупным корпоративным землевладельцам значительное количество мандатов в представительских органах власти. Увеличение цензового уровня для представителей крупной земельной собственности уменьшало количество избирателей этой курии при сохранении прежнего количества мандатов. Такое соотношение одного мандата к количеству голосующих закрепило право земельных аристократов в Моравии формировать провинциальную политику наравне с национальными сообществами. Уменьшение имущественного ценза в куриях городов, торгово-промышленных палат и сельских общин, введение курии всеобщего голосования осуществлялись для расширения социальной базы режима и предусматривали привлечение большего количества избирателей к политической жизни, обеспечивали политическое участие граждан по национальному признаку и таким образом имели целью смягчить межнациональные и социальные противоречия.

Согласно реформе, состав Моравского ландтага выглядел так: на 151 депутата приходилось 2 вирилистов (архиепископ Оломоуца и епископ Брюнна) и 149 избранных депутатов, из которых: I курия крупной земельной собственности – 30 мандатов; II курия городских, промышленных территорий – 40 (20 чешских и 20 немецких мандатов) и торгово-промышленных палат Брюнна и Оломоуца – 6 мандатов; III курия сельских общин – 53 (39 чешских и 14 немецких мандатов); IV курия общего голосования – 20 (14 чешских и 6 немецких мандатов). Общее фиксированное количество мандатов для чешского населения составляло 75 (49,67%), а для немецкого – 40 (26,49%)¹⁴. Национально фиксированных мандатов было вместе 115 (76,16%).

¹⁴ *Gesetz vom 27. November 1905, wirksam für die Markgrafschaft Mähren und die mährischen Enklaven in Schlesien*, in: „Landesgesetz- u. Verordnungsblatt für die Markgrafschaft Mähren”, Jahrgang 1906, Stück I, Nr. 1, S. 1–9.; Nr. 2., S. 10–41.

Краевой комитет, как управляющий и исполнительный орган Моравского ландтага, состоял из 8 членов, избираемых из состава сейма: от I курии землевладельцев – 2 (чешский и немецкий), от чешской II курии – 4, от немецкой III курии – 2. В случае конфликта председатель Краевого комитета, он же и глава сейма, мог назначать из его состава 2-х сопредседателей – чеха и немца. Кворум составлял минимум 5 присутствующих на заседании членов Краевого комитета. Поэтому чешско-немецкий паритет в принятии решений Краевым комитетом составлял 37 : 63 с учетом голоса его руководителя.

Анализ данных переписи населения в Моравии за 1910 г. Демонстрирует то, что количество национальных мандатов для немцев было завышено по отношению к численности их сообщества, а для чехов, наоборот, значительно снижено. При этом к немцам причислялось 31 973, а к чехам – 6 828 евреев, поскольку иудеи отсутствовали в официальном перечне краевых национальностей. В Моравии создавались только два кадастра избирателей по национальному признаку – чешский и немецкий. Остальных избирателей, которые принадлежали к другим национальностям, главы общин на свое усмотрение записывали в чешский или немецкий реестр. Если избиратель был с этим не согласен, он мог в 14-дневный срок обжаловать свои данные в списке избирателей. Вследствие массового представления рекламаций и роста в связи с этим общественно-политической напряженности, было принято решение на следующих сеймовых выборах к формированию списков избирателей привлекать данные переписи населения за 1910 г.

Таблица 1. Соотношение населения Моравии по вероисповеданию и бытовому языком (на основе переписи 1910)¹⁵

по бытовому языку	римо-католики	греко-католики	православные	евангелисты	израилиты*	итого
немцы	675 636	104	44	9 074	31 973	791 400 (30,18%)

¹⁵ *Die Bevölkerung nach der Gebürtigkeit, Religion und Umgangssprache in Verbindung mit dem Geschlechte, nach dem Bildungsgrade und Familienstande; die körperlichen Gebrechen; die soziale Gliederung der Haushaltungen* in: „Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern“, Wien, 1914, Band 1, Heft 2, S. 54–55.

* В Австро-Венгрии термин „израилиты“ официально использовался для обозначения представителей иудейского вероисповедания, то есть еврейского населения.

чехо- словаки	1 798 254	164	22	62 714	6 828	1 868 874 (71,27%)
поляки	14 218	163	6	405	75	14 927 (0,57%)
другие	1 007	437	53	7	8	1 516 (0,06%)
итого	2 501 824 (95,41%)	926 (0,04%)	210 (0,01%)	74 573 (2,84%)	41 174 (1,57%)	2 622 224

На самом деле, политическая конфигурация Моравского сейма зависела от остальных 36 (23,84%) мандатов, которые приходились на курию больших землевладельцев и представителей торгово-промышленных палат. Можно предположить, что львиную долю этих мандатов соискали немцы, потому что национальное соотношение немцев и чехов в сейме стало почти равнозначным (см. Табл. 2). А это означало, что ни одна из наций не получила численного преимущества, поэтому согласие между национальными куриями было возможным лишь на основе политического консенсуса. Все решения ландтага принимались абсолютным большинством голосов от числа присутствующих на заседании депутатов, при этом ни одна из трех курий сейма (I курия землевладельцев, II чешская курия и III немецкая курия) не имела права вето. Национальные курии формировали дублированные сеймовые комитеты: финансовый, общих дел, школьный, коммуникаций, сельскохозяйственный, промышленный, каждый из которых насчитывал минимум по 16 членов¹⁶.

Таблица 2. Соотношение национальных мандатов в численности населения согласно национальному принципу в Моравии (1905)

национальность	национальное соотношение к населению края	национальное соотношение к общей численности сеймовых мандатов	реальное национальное соотношение мандатов в сейме
немцы	759 427 (28,96%)	40 (26,49%)	76 (50,33%)
чехо-словаки	1 862 046 (71,01%)	75 (49,67%)	75 (49,67%)
евреи	41 174 (1,57%)	–	–

¹⁶ Gesetz vom 27. November 1905..., Nr. 1, S. 1–9.; Nr. 2, S. 10–41.

Решения в национальных делах требовали 2/3 положительных голосов от обязательного количества присутствующих на заседании 3/4 депутатов – 121 человека. Перечень национальных дел включал: внесение изменений в краевой устав и краевой избирательный порядок, в закон о национальном разделении школьных органов, в закон о Краевом школьном совете, в закон о языке делопроизводства в автономных органах власти; а также вопрос о роспуске национальных учебных заведений, изменении языка преподавания, уменьшения финансирования школ; об объединении или разграничении общин против воли их законного представительства. Внесение изменений в избирательные порядки общин и автономных управ городов Брюнн, Венгерский Градиште, Игляу, Кремс, Ольмюц и Цнаим требовало согласия 93 депутатов, независимо от количества присутствующих на заседании послов¹⁷.

Если в краевом законодательном органе Моравии фиксировался почти равнозначный паритет между представителями чешской и немецкой национальностей, то в исполнительной сфере – Краевом комитете и во всех его комиссиях, а также делегированных представительствах в краевой администрации, немцы получили незначительное численное преимущество. Это означало, что немецкое меньшинство, по сути, сохраняло прямое влияние на управление краем. Обострение межнационального конфликта способствовало блокированию работы Моравского ландтага, вследствие чего 8 февраля 1914 г. „национальное уравнение” было дополнено компромиссным соглашением сеймовых курий о создании национально-политического комитета, который должен был действовать в межсессионный период на постоянной основе и выполнять все полномочия краевого представительского органа власти в культурных, политических, межнациональных и финансовых делах¹⁸. В итоге, Моравское „уравнение” не решило своей основной задачи – не привело к этнополитическому консенсусу в провинции, учитывая активизацию чешского и немецкого национальных движений.

Отсутствие политического большинства и меньшинства (оппозиции) в представительских органах власти, законодательное закрепление сеймо-

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Gesetz vom 27. März 1914, wirksam für die Markgrafschaft Mähren, mit welchem der vom Landtage eingesetzte national-politische Ausschuß für permanent erklärt und dessen Wirkungskreis festgelegt wird*, in: „Landesgesetz- u. Verordnungsblatt für die Markgrafschaft Mähren”, Jahrgang 1914, Stück IV, Nr. 13, S. 107–108.

вых образований по национальному принципу считаются примером исторической модели консоциативной (консенсусной) демократии. В современных условиях она успешно действует в мультинациональных федеративных государствах и обеспечивает этническим, религиозным и другим группам населения реализацию собственных интересов, что происходит только лишь при условии отсутствия чрезмерной политизации национальных вопросов и активизации национальных движений¹⁹. Понятно, что элементы модели консоциативной демократии не могли быть действенными в условиях имперского авторитарного режима Австро-Венгрии, но позитивным следует считать сам пример ее возникновения.

Буковинский „аусглях” 1910 г.

Подобно моравскому опыту, в локальную политическую систему на Буковине 26 мая 1910 г. также вводился принцип этничности путем внесения изменений в краевой устав и краевой избирательный порядок. На Буковине этнополитическими актерами выступали четыре официальные народы провинции – немцы, украинцы, румыны и поляки, которые продолжали формировать представительские органы власти на куриально-сословной основе. Буковинский краевой сейм состоял из 63 депутатов, из них: 2 вирилистов (православный митрополит и ректор университета им. Франца Иосифа I в Черновцах) и 61 выборных депутатов: I курия крупной земельной собственности – 13 (1 посол от митрополичьей консистории, настоятелей монастырей в Драгомирне, Путне и Сучевце, по 1 послу от румынского и украинского высшего духовенства, по 4 посла от румынских, а также польских и армяно-польских землевладельцев, 2 посла от остальных национальностей); II курия торгово-промышленных палат – 2; III курия общин – 28 (10 румынских, 10 украинских, 7 немецких и 1 польский мандат); IV курия всеобщего голосования – 18 (6 румынских, 6 украинских, 5 немецких, 1 польский мандат).

Итак, в Буковинском ландтаге национальные мандаты распределялись только в III и IV куриях, в частности, румыны получили 16 (25,40%),

¹⁹ См.: V. Hloušek, *Teorie konsociační demokracie a moravská praxe* [The theory of consociational democracy and the Moravian practice], in: Lukáš Fasora, Jiří Hanuš, Jiří Malíř (eds.), *Moravské vyrovnání z roku 1905 / Der Mährische Ausgleich von 1905*, Brno, Matice moravská, 2006, p. 145-156; in: http://www.iips.cz/userfiles/file/wp_12_konsociacni_demokracie.pdf

украинцы – 16 (25,40%), немцы – 12 (19,05%) и поляки – 2 (3,17%) мандата. Во III и IV куриях исключительно для поляков существовали избирательные экстерриториальные округа, а для других национальностей округа занимали территорию их компактного проживания. Вместе национально фиксированные мандаты составляли 58 (92,06%) от всего состава Буковинского сейма. Все депутаты, за исключением 1 посла от митрополичьей консистории, настоятелей монастырей в Драгомирне, Путне и Сучевице и 2-х послов от торгово-промышленных палат, избирались в национально фиксированных избирательных округах.

Сам Буковинский краевой сейм состоял из 6-ти курий: к I курии относились православный митрополит, посол от митрополичьей консистории, настоятелей монастырей в Драгомирне, Путне и Сучавице, по 1 послу от румынского и украинского высшего духовенства, а также 4 землевладельца румынской и польской национальности – (8 человек); ко II курии – остальные послы от землевладельцев, а также депутаты от польских избирательных округов в курии общин (№26) и в курии общего голосования (№43) – (8 человек); к III курии – депутаты от румынских избирательных округов в курии общин (№1-10) и к курии общего голосования (№27-32) – (16 человек); к IV курии – депутаты от украинской избирательных округов в курии общин (№11-20) и курии общего голосования (№33-38) – (16 человек); к V курии – ректор Черновицкого университета, а также послы от немецких избирательных округов в курии общин (№23, 24) и курии общего голосования (№40, 41), депутаты, избранные на немецких избирательных округах от меньшинства в курии общин (№21, 22) и курии общего голосования (№39) – (8 человек); к VI курии – послы от торгово-промышленных палат, а также послы от немецких избирательных округов в курии общин (№25) и курии общего голосования (№42), а также депутаты, избранные на немецких избирательных округах от большинства в курии общин (№21, 22) и курии общего голосования (№39) – (7 человек)²⁰. В итоге, национальных политических структур в Буковинском сейме вообще

²⁰ *Gesetz vom 26. Mai 1910, betreffend die Änderung der Landesordnung für das Herzogtum Bukowina*, in: „Gesetz- und Verordnungsblatt für das Herzogtum Bukowina“, Jahrgang 1910, Stück XXIII, Nr. 26, S. 97–102.; *Gesetz vom 26. Mai 1910, mit welche eine neue Wahl-Ordnung für das Herzogtum Bukowina erlassen wird*, in: „Gesetz- und Verordnungsblatt für das Herzogtum Bukowina“, Jahrgang 1910, Stück XXIII, Nr. 27, S. 103–128.

не было создано. Отдельно немцы получали две национальные курии и еще дополнительные 3 мандата от меньшинства избирателей в двухмандатных избирательных немецких округах V и VI курий.

Краевой комитет был управляющим и исполнительным органом Буковинского сейма, который состоял из председателя – краевого главы и 8 выборных членов (по 1-му – от I–VI курии, еще по 1-му избирались от III и IV курий). Из их состава краевой глава назначал своих заместителей: первого – с III курии (румына), а второго – с IV курии (украинца). Краевой комитет принимал все решения на основе коллегиальности. Кворум составлял минимум 5 человек, поэтому ни одна из национальностей предпочтений не получила. Если краевой глава не соглашался с решением Комитета, он отменял его постановление и, как краевой шеф, направлял спорный вопрос к австрийскому правительству и императору.

Согласно действующему законодательству сеймовые курии имели право избирать своих представителей в Краевой комитет, сеймовые комиссии, правления краевых учреждений и другие организации, а также в сеймовые следственные и надзорные комиссии. Курии избирали своих представителей в краевые учреждения на основе рейтингового голосования. Победителем считался тот, кто получал абсолютное большинство голосов. Ключ этих выборов был построен так, что представителей избирали не от каждой курии в отдельности, а только в определенной их комбинации – I, II и III курии; IV, V, IV курии; I, II курии; V, VI курии. Все выбранные куриями представители должны были утверждаться сеймом. Краевой комитет назначал также полномочную курию для выборов национального представителя на учительские, чиновничьи или служебные должности в определенных краевых учреждениях. Ни одна курия не могла выбирать самостоятельно своего представителя. Только немцы в V, VI куриях частично получили такую возможность. Краевой комитет определял, от какой курии будет делегироваться репрезентант, что вообще подрывало действенность принципа национального представительства. Лишь представители Краевого комитета, которые делегировались в рефераты по делам общин и школ, а также в отдельные краевые учреждения, определялись из его состава по национальному принципу.

Списки избирателей III и IV курий составлялись с учетом 4-х избирательных кадастров – румынского, украинского, немецкого и польского. Для всех национальностей создавались национально фиксиро-

ванные избирательные округа, только для поляков – экстерриториальные. В немецкий кадастр засчитывались 95706 евреев, поскольку иудеи не признавались в империи отдельным народом. Это было сделано с целью усиления политического влияния немецкого элемента и завышения количества немецкоязычного сообщества. Учитывая это обстоятельство, ошибочно утверждать, что краевые народы на Буковине были „равно-статусными” в политическом отношении (см. Табл. 4).

Таблица 3. Соотношение населения Буковины по вероисповеданию и бытовому языку (на основе переписи 1910)²¹

по бы- товому языку	римо-ка- толики	греко- католики	право- славные	еванге- листы	израилиты	итого
немцы	50 009	954	2 490	19 475	95 706	168 779 (21,09%)
поляки	32 506	1 689	724	98	1 177	36 217 (4,53%)
украинцы	3 703	21 508	274 758	112	2 102	305 222 (38,17%)
румыны	1 124	1 824	268 992	176	1 024	273 216 (34,15%)
венгры	9 956	9	24	378	22	10 389 (1,30%)
другие	951	11	102	18	40	1 122 (0,14%)
итого	99 135 (12,39%)	26 178 (3,27%)	548 956 (68,61%)	20 517 (2,56%)	102 925 (12,86%)	800 127

Внесение изменений в краевой избирательный порядок было возможным только в присутствии 3/4 от состава Буковинского сейма (48); решение должно было набрать 2/3 голосов присутствующих (32), что предусматривало политический консенсус между представителями всех четырех народов, или, по крайней мере, их объединение в коалицию в двух вариантах: немцы – румыны (52 депутата) или немцы – украинцы (37 депутатов).

²¹ *Die Bevölkerung nach der Gebürtigkeit, Religion und Umgangssprache...*, S. 54–55.

Таблица 4. Соотношение между национальными мандатами и численностью населения согласно национальному принципу на Буковине (1910)

национальность	национальное соотношение к населению края	национальное соотношение к общей численности сеймовых мандатов	реальное национальное соотношение мандатов в сейме
немцы	73 073 (9,13%)	12 (19,05%)	19 (30,16%)
поляки	35 040 (4,38%)	2 (3,17%)	3 (4,76%)
украинцы	303 120 (37,88%)	16 (25,40%)	18 (28,57%)
румыны	272 192 (30,02%)	16 (25,40%)	23 (36,51%)
евреи	102 925 (12,86%)	-	-

Однако политическое „согласие” на Буковине просуществовало недолго – до начала октября 1910 г., когда контролируемая евреями пресса обнародовала подробности коррупционного скандала с участием директора строительного департамента магистрата Черновцов, общественного советника Войтеховского. Его обвиняли в проведении нечестных тендеров на выполнение фирмами строительных работ в городе. Вследствие угрозы „антиеврейской” забастовки, скандал перешел в политическую сферу. В этих условиях румынские политики Александр Гурмузаки, Аурел Ончул и украинцы Степан Смаль-Стоцкий, Николай Василко на основе межпартийной солидарности, как члены городского совета, сложили свои полномочия для того, чтобы инициировать новые выборы²². Коррупционный скандал, как лакмусовая бумажка, демонстрировал невозможность формирования в представительских органах власти коалиции между немцами, с одной стороны, и румынами или украинцами, с другой. В итоге межпартийное противостояние показало неэффективность „национального уравнения” на Буковине.

Анализируя „национальные уравнения” в Моравии и на Буковине, к их общим чертам можно отнести следующие факторы: 1) в результате конституционно-либеральных реформ и децентрализации управления в этих провинциях в 1861 г. была образована территориальная автономия политического типа, которая уже к началу XX в. функционально себя исчерпала, поскольку превратилась в управленческое препятствие; 2) в обеих провинциях отсутствовала ведущая „титутельная” нация, а этнополитическое соревнование происходило между народами, удельный вес кото-

²² Т. Hensellek, *op. cit.*, S. 36–44.

рых в крае уравнивался относительной численностью сообществ и их экономической состоятельностью; 3) реформа способствовала закреплению и сохранению политических прав немецкого сообщества, которое в этих провинциях составляло меньшинство.

Отличительные черты выше упомянутых реформ составляют: 1) введение в Моравии легальных механизмов реализации для чешского и немецкого сообществ не только политических прав, но также культурных – в языковой и образовательной сферах, чего на Буковине в законодательно фиксированной форме не наблюдалось; 2) на Буковине сеймовые курии не были сформированы согласно национальному принципу. К примеру, немецких курий в сейме было практически две (V, VI курии), что обеспечивало политическое влияние немецкого меньшинства в крае. Кроме этого, политический статус получили буковинские поляки, численность которых в крае была сравнительно незначительной.

Галицийское „уравнение” 1914 г.

Иной выглядела управленческая и общественно-политическая ситуация в Галиции, где с 1866 г. утвердилась национально-территориальная автономия для „титульной” нации края – поляков. В течение 1866–1879 гг. здесь завершился процесс формирования системы политических органов власти. Полякам удалось закрепить доминирующее положение в крае путем полонизации всех органов управления, учреждений и заведений, а также устранение старого немецкого чиновничества и создание новой польской бюрократии. Это привело к тому, что в рамках новой локальной политической системы, украинцы превратились в дискриминированное национальное сообщество. Вследствие отсутствия соответствующих политико-правовых механизмов и реализации беспрецедентных „грязных” избирательных технологий они не могли эффективно отстаивать свое право на адекватное национальное представительство в Галицийском сейме, уездных и общественных советах. Проблематической выглядела также реализация культурных прав украинцев в связи с их потребностью сохранения родного языка в сфере общественного управления и организации национальных школ на основе государственного финансирования. В 1882 году польская национально-территориальная автономия в Галиции институционально укрепилась благодаря созданию Краевого банка Галиции. Он выполнял функцию центробанка с правом рефинансирования проблемных

финансовых учреждений края. Таким образом, в Галиции сформировалась собственная провинциальная банковская система, которая оставалась подконтрольной австрийскому правительству и Краевому комитету.

Учитывая обострение межнациональных конфликтов, прежде всего чешско-немецкого в Богемии и Моравии, а также польско-украинского в Галиции, австрийское правительство было вынуждено модернизировать национальную политику путем введения в локальные политические системы принципа этничности. Впервые в Галиции этот принцип реализовался в изменениях закона о Краевом школьном совете от 15 февраля 1905 г. В частности, при формировании состава Краевого школьного совета украинцы получили фиксированную национальную квоту. Из 19 его членов 4 были украинцами (1 делегат от Краевого комитета, 1 представитель от греко-католического духовенства, 2 – от учительской среды). Однако украинцы никак не могли повлиять на школьную политику потому, что кворум составлял 10 человек, а при принятии определенных решений устанавливалось соответствующее корреляционное соотношение голосов членов Краевого школьного совета, которого они ни при каких условиях не могли достичь²³.

Учитывая сокрушительную критику украинским сообществом колонизаторской политики Краевого школьного совета, австрийский министр вероисповеданий и образования с 15 февраля 1905 г. взял на себя полномочия непосредственно утверждать язык преподавания в ведущих средних школах Галиции. По представлению Краевого школьного совета он определял средние школы с польским языком преподавания, где уроки украинского были обязательными, и, наоборот, средние школы с украинским языком преподавания, где уроки польского были обязательными. Во всех остальных средних школах преподавание второго краевого языка вводилось непосредственно по требованию родителей учеников²⁴, то есть уже без специального разрешения Краевого школьного

²³ *Gesetz vom 15. Februar 1905, betreffend den Landesschulrat*, in: „Landesgesetz- und Verordnungsblatt für das Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogthume Krakau”, Jahrgang 1905, Stück I, Nr. 39, S. 112–116.

²⁴ *Gesetz vom 15. Februar 1905, womit einige Bestimmungen des Gesetzes vom 22. Juni 1867, L. G. Bl. Nr. 13, über die Unterrichtssprache an Volks- und Mittelschulen des Königreiches Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogthume Krakau, abgeändert wird*, in: „Landesgesetz- und Verordnungsblatt für das Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogthume Krakau”, Jahrgang 1905, Stück XX, Nr. 108,

совета, как это происходило ранее.

Однако такие меры центральных властей не приостановили полонизацию среднего образования в Галиции. Несмотря на давление украинской общественности, к 1914 г. было открыто лишь 4 украинских государственных средних школ: гимназии в Перемышле (1895), Коломые (1900), Тернополе (1901) и Станиславе (1905). В дальнейшем процесс полонизации образования маскировался путем создания утравкистических средних учебных заведений, что предусматривало открытие украинских параллельных классов в уже существующих польских гимназиях – в Бережанах (1905) и Стрые (1906). В противопоставлении к утравкизации украинцы основывали частные гимназии: девичью при Конvente сестер Василианок во Львове (1906), светские средние заведения – в Копычинцах (1908), Яворове (1908), Рогатине (1909), Городенке (1909), а также частные гимназические курсы – в Збараже и Буске. Все государственные учительские семинарии, где украинцы имели возможность учиться на родном языке, были исключительно утравкистическими заведениями. В 1910 г. их насчитывалось 9 из 26 (15 из них были чисто польскими)²⁵.

В то же время внесенные 9 мая 1907 г. новые изменения в закон о Краевом школьном совете значительно расширили его компетенцию. Этот орган получил право выполнять управленческие функции не только педагогически-дидактического, но и экономически-административного характера, а также назначать дисциплинарные взыскания для директоров и учителей на основе согласования с министерством вероисповеданий и образования²⁶.

Принцип этничности в Галиции также реализовывался относительно языковых прав на уровне территориальных общин. Закон о языке автономных органов власти от 9 апреля 1907 г. регулировал языковое обращение в сфере управления²⁷. В делопроизводстве Краевого комитета сохранялся польский язык. Публикация его решений, как и ранее, происхо-

S. 131–132.

²⁵ *Österreichisches statistisches Handbuch für die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder*, Wien, 1912, Jahrgang 30, S. 362.

²⁶ *Gesetz vom 9. Mai 1907, betreffend den Landesschulrat*, in: „Landesgesetz- und Verordnungsblatt für das Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogthume Krakau“, Jahrgang 1907, Stück VIII, Nr. 48, S. 87–89.

²⁷ *Gesetz vom 9. April 1907 über die Amtssprachen der autonomen Behörden*, in: „Landesgesetz- und Verordnungsblatt für das Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogthume Krakau“, Jahrgang 1907, Stück IV, Nr. 21, S. 39–42.

дила тремя краевыми языками – польским, украинским и немецким. Краевой комитет продолжал коммуницировать польским языком с политическими органами власти в крае, однако на обращения граждан и уездных советов был обязан отвечать их языком. Язык делопроизводства городских органов Львова и Кракова также неизменно оставался польским. Государственные органы и группы граждан из других провинций продолжали коммуницировать с краевыми политическими органами и автономными органами власти в Галиции на основе закона от 5 января 1869 г., то есть – немецким. Следовательно, для органов местного самоуправления в Галиции подтверждалось право обращаться ко всем политическим органам власти края на своем родном языке. Сохранение польского, как управленческого языка делопроизводства, в коммуникации галицийского наместничества и его уездных структур с территориальными общинами устраняло необходимость создания отдельного штата переводчиков, как, например, это имело место в Моравии.

Более заметным принцип этничности оказался в изменениях краевого устава и избирательного порядка от 12 июля 1914 г., которые вошли в историю как „национальное уравниение” в Галиции. Трансформация политической системы на локальном уровне предусматривала одновременное сохранение куриально-цензового модуса и внедрение национального принципа в процесс формирования Галицийского сейма, всех его органов и структур, закрепления фиксированного статуса для национальных избирательных округов и отдельных списков для избирателей польской и украинской национальностей – национальных кадастров. Несмотря на вышеуказанные изменения, эта система, как и в Моравии (1905), так и на Буковине (1910), продолжала воспроизводить модерное подобие сословного представительства, которое лежало в основе созданного Габсбургами государственного механизма в раннемодерное время.

Галицийский сейм состоял из 227 (+1*) депутатов, из которых 12 (+1) принадлежали к вирилистам (9 польских мандатов для архиепископов римско-католического, армяно-католического обрядов из Львова, епископов римско-католического обряда из Перемышля, Тарнува, Кракова, ректоров университетов в Кракове и Львове, президента Польской акаде-

* Один мандат был зарезервирован для ректора будущего украинского университета, открытие которого предусматривалось соглашением, достигнутым в 1914 г. между политическими фракциями Галицкого сейма.

мии знаний в Кракове и ректора Львовской политехнической школы; 3 (+1) украинские мандаты для архиепископа греко-католического обряда из Львова, епископов греко-католического обряда из Перемышля и Станислава, а также для ректора будущего украинского университета). Остальные 215 депутата избирались по куриям: I курия крупной земельной собственности – 45 (44 польских и 1 украинский мандат); II цензовая городская курия – 46 (40 польских и 6 украинских мандата); III общая городская курия – 12 (9 польских и 3 украинских мандата); IV курия торгово-промышленных палат (Краков, Львов, Броды) – 5 (польских мандатов); V курия промышленных объединений городов Львова и Кракова – 2 (польских мандата); VI курия сельских общин – 105 (57 польских и 48 украинских мандата)²⁸. Таким образом, поляки получили 166 (72,80%) национально фиксированных мандатов, а украинцы – 61 (+1) (26,87-27,19%), причем, смотря на острый межнациональный антагонизм, все сеймовые мандаты без исключения были распределены между двумя национальными куриями Галицийского ландтага.

В изменениях краевого избирательного порядка от 12 июля 1914 г. закреплялся политико-правовой статус Восточной Галиции, как польско-украинской территории. В итоге, только здесь вводились национально фиксированные польские и украинские избирательные округа, в то время, как в западной части края – округа образовывались, как и ранее, по вненациональному признаку. В многомандатных округах выборы проходили на пропорциональной, а в одномандатных – на мажоритарной основе.

Двухступенчатое голосование сохранилось лишь в V курии промышленных объединений Львова и Кракова, а в III общей городской курии и VI курии сельских общин внедрялось всеобщее голосование, что свидетельствовало о демократизации избирательного права. Однако высокоцензовые избиратели получили возможность дополнительного голоса в

²⁸ *Ustawa z dnia 8. lipca 1914, zmieniająca §§ 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 17, 31, 35, 38 i 48, uzupełniająca postanowienia §§ 18 i 26 statutu krajowego Królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkim Księstwem Krakowskim i wprowadzająca nową ordynację wyborczą* [The Act of July 8, 1914, amending §§ 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 17, 31, 35, 38 and 48, supplementing the provisions of §§ 18 and 26 of the National Statutes of the Kingdom Galicia and Lodomeria, and the Grand Duchy of Kraków and introducing the new election procedure], in: „Dziennik ustaw i rozporządzeń krajowych dla Królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkim Księstwem Krakowskim”, Rok 1914, Część X, Nr. 65, S. 177–219.

нескольких куриях, хотя избиратель, как и раньше, имел право легитимно голосовать только единожды. Так, 2/3 избирателей II цензовой городской курии, которые уплачивали высокие налоги, голосовали еще и в III общей городской курии. Некоторые из них могли также входить в IV курию торгово-промышленных палат, или в V курию промышленных объединений Львова и Кракова. Таким образом, описанная избирательная технология позволяла зажиточным избирателям фактически отдавать от 2 до 5 голосов. Избиратели VI курии сельских общин, которые принадлежали к перечню 2/3 крупнейших налогоплательщиков, также отдавали по 2 голоса. Таким образом, отмена двухступенчатых выборов и введение всеобщего голосования в VI курии компенсировались новыми, еще более эффективными избирательными технологиями, которые были призваны обеспечить полякам гарантированное большинство в краевом сейме, несмотря на то, что в Восточной Галиции они составляли национальное меньшинство²⁹.

Согласно изменениям краевого устава от 12 июля 1914 г. в составе Галицийского сейма образовывались новые структурные единицы и четко расписывались отдельные процедуры. Сеймовые послы группировались в две национальные курии: польскую (166) и украинскую (62 депутатов). Состав всех сеймовых комиссий, делегатов в краевые учреждения и в Счетную палату, которая вводилась для контроля за краевыми финансами, формировался на основе вышеуказанного мандатного соотношения, то есть квота для украинцев составляла не более, чем 27,19% мест.

Решение о пересмотре границ между помещичьими землевладениями и сельскими общинами требовало 2/3 голосов из 3/4 присутствующих на заседании, а это не менее, чем 186 депутатов (т. е. 124 голосов). Внесение любых изменений в положения краевого устава, избирательного порядка и табелярного приложения предполагало наличие 2/3 голосов из не менее 3/4 от состава присутствующих на заседании сейма (т. е. 114 голосов)³⁰. Таким образом, принятие основных краевых законов предусматривало готовность украинских депутатов солидарно голосовать с поляками, а также обязательное их присутствие на заседании (минимум – от 6 до 21 человек).

Перманентная обструкция украинской оппозиции могла помешать

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.*

принятию судьбоносных для края решений. Таким образом, в деятельность сейма закладывались первичные основы модели политического сотрудничества на основе координации между большинством (польской курией) и оппозицией (украинской курией). Увеличение численности украинского представительства в сейме незначительно расширило набор политических инструментов, которыми она могла воспользоваться. Как и раньше, это были депутатские запросы (интерпелляции), подача которых согласно регламенту требовала не менее 15 подписей³¹. Доступными стали новые инструменты, такие, как депутатское внесение (право внесения законопроекта или поправки к нему) и участие в работе сеймовых комиссий, которая, по сути, оставалась номинальной. В частности, для утверждения внесения нужно было получить абсолютное большинство голосов при условии присутствия на заседании большинства от состава сейма (115–58 голосов). Эта норма в дальнейшем могла блокировать законодательные инициативы украинской курии. Несмотря на некогда непримиримые позиции радикалов и иерархов УГКЦ, новая модель политического сотрудничества требовала от украинского меньшинства выработки собственной консенсусной позиции и предусматривала слаженную работу всех ее членов.

Руководство сейма – краевого маршалка и 2-х его заместителей польской и украинской национальностей – назначал император из состава сейма. Исполнительный орган краевой репрезентации – Краевой комитет формировался на основе равных национальных квот и состоял из маршалка и 8-х членов – по 4 от польской и украинской курий. Маршалок, как председатель Краевого комитета, должен был сам предложить из состава сейма 2-х своих заместителей – поляка и украинца, а 6-х членов выбирали послы от 2-х национальных курий (по одному от I, от II, III, IV, V и от VI)³². Схема принятия решений Краевым комитетом не предусматривала национально ограничительных механизмов. На его заседаниях обязательным было присутствие председателя и не менее 4-х из 8-ми членов, а решение требовало абсолютного большинства голосов присутствующих (3 голоса).

³¹ См.: *Regulamin dla Sejmu Krajowego Królestwa Galicyi i Lodomeryi wraz z Wielkim Księstwem Krakowskiem, przyjęty dnia 10 października 1907* [Regulations for the National Parliament of the Kingdom of Galicia and Lodomeria, and the Grand Duchy of Kraków, adopted on 10 October 1907], Lwów, 1908, S. 9.

³² *Ustawa z dnia 8. lipca 1914,...*, S. 169–177.

Маршалок имел право голосовать в том случае, если голоса разделялись поровну. В этих условиях Краевой комитет, без согласования с украинцами, принимал любое решение, которое поддерживало польское большинство.

Краевой устав в новой редакции также предусматривал изменения в организации уездного представительства. Однако оно фактически продолжало формироваться вне принципа этничности – на основе „репрезентации интересов” различных групп населения. В уездах, где насчитывалось более трех таких групп, соотношение между членами уездного совета закреплялось так: самая большая группа получала половину мест минус 1, а для остальных – места распределялись поровну. В уездах, где было две группы по интересам, места в совете также распределялись поровну³³. Избирательные списки формировались на основе национального принципа, а определение круга избирателей происходило согласно избирательному порядку для общественных советов (закон от 12 августа 1866 г.). Учитывая тот факт, что в полиэтничном уезде могло насчитываться три и более групп по интересам, а национальных кадастров было всего лишь два – польский и украинский –, то напрашивается вывод о том, что эти нормы закладывали технологию, которая обеспечивала бы полякам (в сочетании, например, с евреями или немцами) политическое преимущество в уездном представительстве на тех территориях, где они составляли меньшинство, то есть в Восточной Галиции. Таким образом, межнациональное противостояние переводилось с краевого уровня в полиэтничные уезды; оно расплывалось на локально-множественной основе в сельских общинах, особенно на территории польско-украинского пограничья.

Во время выборов в Галицийский сейм также вводились национальные кадастры избирателей, которые формировались головами общин на основе переписи населения 1910 г. по бытовому языку. Закон предусматривал возможность обжалования неправильности персональных данных в списке избирателей (фамилии, номера избирательного округа, принадлежности к определенной курии и национального кадастра) в 8-дневный срок после обнародования наместником даты выборов. При подаче рекламации избиратель должен был уплатить старосте общины 50% затраченных на внесение изменений средств, иначе обращение оставалось без рассмотрения. За изготовление копии части избирательного списка, которая обязательно прилагалась к рекламации, оплата

³³ *Ibid.*

достигала 100%. Платные и значительно ограниченные во времени процедуры препятствовали реализации права избирателей на обжалование списков.

На основании уже согласованных национальных кадастров уездная власть заранее выдавала каждому избирателю легитимационную карточку и бюллетень для письменного голосования, в котором указывалась его фамилия, название округа, количество кандидатов, за которых он будет голосовать, а также указывалась возможность выбора заместителя посла, право отдавать 1 или 2 голоса. Заместитель посла избирался в одномандатных и в тех двухмандатных избирательных округах, где избиратель был вправе голосовать только за одного кандидата³⁴. Заместитель приступал к выполнению депутатских полномочий только после утраты послом своего мандата. Такая технология позволяла избегать довыборов, чтобы лишний раз не провоцировать общественно-политическое напряжение в крае. Кстати, она также использовалась и на Буковине. В Восточной Галиции в VI курии сельских общин на польско-украинском пограничье создавались двухмандатные округа (для украинского большинства и польского меньшинства), где в случае получения обоими кандидатами равенства голосов во втором туре голосования традиционно применялся жребий, как рудимент австрийского избирательного права³⁵.

Существование двухмандатных избирательных округов в Восточной Галиции не снимало угрозы эскалации межнационального конфликта, поскольку, как показывает опыт парламентских выборов 1907 г. и 1911 г., здесь могли использоваться определенные избирательные технологии, которые обеспечили бы полякам сразу два мандата – от национального большинства и меньшинства. Социально-политическое противостояние также могло обостряться по всей территории Галиции из-за возможности для высокоцензовых избирателей отдавать несколько голосов в курии городов общего голосования и курии сельских общин. Кроме этого, провинциальный управленческий аппарат получил возможность задействовать административный ресурс еще и при формировании национальных кадастров избирателей потому, что статистические данные

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Ibid.*

переписи населения 1910 г. в Галиции, как, впрочем, и в Моравии, и на Буковине, носили довольно противоречивый характер.

Таблица 5. Соотношение населения Галиции по вероисповеданию и бытовому языком (на основе переписи 1910)³⁶

по бытовому языку	римо-католики	греко-католики	православные	евангелисты	израильты	итого
немцы	36 625	596	93	27 129	25 631	90 130 (1,12%)
поляки	3 618 145	235 328	196	7 854	808 327	4 670 167 (58,19%)
украинцы	42 822	3 141 029	1 580	834	21 513	3 208 025 (33,97%)
другие	8 207	496	678	216	168	9 771 (0,12%)
итого	3 732 290 (46,51%)	3 379 233 (42,11%)	2 841 (0,04%)	37 693 (0,46%)	817 804 (10,86%)	8 024 524

Анализ данных австрийской статистики за 1910 г. показывает, что 1,24% граждан на бытовом уровне не пользовались польским или украинским языками, а это около 0,41% избирателей, которых чиновникам нужно было самостоятельно идентифицировать при формировании национальных кадастров. Сравнивая количество греко-католиков и лиц, которые пользовались украинским языком, как бытовым, потери украинского населения составляли 8,14%, а это около 2,71% (19,4 тыс.) избирателей. К польскоязычному населению были также отнесены 9,72% иудеев, а это около 3,24% (23,2 тыс.) избирателей. Таким образом, количество польскоязычных лиц за счет украинцев и евреев выросло на 17,86%. Если учесть еще немцев и других лиц, то вместе эта цифра составит 19,10%. Все это позволяет утверждать, что в польский кадастр всего попало бы 6,36% (45,6 тыс.) избирателей-неполяков. Количество жалоб на качество списков в Галиции могло быть значительным, что в итоге обострило бы противоречия между группами избирателей и политическими органами власти. Массовое обжалование избирательных списков могло поставить под сомнение легитимность проведенных выборов.

³⁶ *Die Bevölkerung nach der Gebürtigkeit, Religion und Umgangssprache...*, S. 54–55.

Таблица 6. Соотношение национальных мандатов в численности населения согласно национальному принципу в Галиции (1914)

национальность	национальное соотношение к населению края	национальное соотношение к общей численности сеймовых мандатов	реальное национальное соотношение мандатов в сейме
немцы	64 499 (0,80%)	–	–
поляки	3 861 840 (48,13%)	166 (72,80%)	166 (72,80%)
украинцы	3 186 512 (39,71%)	61 (+1) (26,87–27,19%)	61 (+1) (26,87–27,19%)
евреи	817 804 (10,86%)	–	–

Таким образом, сеймовая избирательная реформа в Галиции 1914 г. представляла собой одну из самых сложных и запутанных мажоритарно-пропорциональных избирательных систем не только в Цислейтании, но и в Европе. При сохранении курий и модернизации их на основе принципа этничности она обеспечивала польскому меньшинству в Восточной Галиции 78 мандатов (а это 47,3% польских, или 34,4% всех сеймовых мандатов – больше трети). Украинцы, как автохтонное население Восточной Галиции, получили здесь лишь 59 мандатов (а это 95,2% украинских, или 26% всех сеймовых мандатов – меньше трети). Таким образом, краевой избирательный порядок окончательно закрепил политико-правовой статус Восточной Галиции как польско-украинской территории, где большинство сеймовых мандатов принадлежало полякам. Одновременно она устраняла возможность эскалации польско-украинского политического противостояния в национально фиксированных избирательных округах Восточной Галиции во время избирательных кампаний, что в будущем могло бы способствовать налаживанию межнационального диалога на уровне отдельных моноэтнических общин.

„Галицийское уравнение” 1914 г. целесообразно трактовать, как политическую модель провинциального сотрудничества между поляками и украинцами, которая встраивалась в систему австро-венгерского дуалистического федерализма, или, как своеобразный межнациональный „modus vivendi”, который был призван уравновесить политическую систему на краевом уровне. Однако, несмотря на активизацию национального украинского

движения, „уравнивание” 1914 г. консервировало провинциальную политическую систему, поскольку в законодательном порядке приостанавливало объективный процесс роста представительства украинцев в Галицийском сейме. В итоге на сеймовых выборах это, хоть и устраняло перманентную угрозу эскалации межнационального конфликта на политической почве, в то же время обеспечивало господство поляков в Восточной Галиции.

Несомненно, „Галицийское уравнение” 1914 г. демонстрировало отсутствие в Вене намерения реализовывать главное национальное требование украинцев о разделе территории Галиции по национальному признаку, то есть создание обособленных польской и украинской национально-территориальных автономий. Система политических органов власти в Галиции обеспечивала жизнедеятельность национально-территориальной автономии для титульной национальности края – поляков. Ее особенности заключались в реализации провинциальными политическими органами власти преференций по внедрению польского языка в администрацию, создание польского бюрократического аппарата и полонизации образования, а также в осуществлении расширенных административных функций. „Галицийское уравнение” 1914 г. встраивало в структуру польской национально-территориальной автономии несколько элементов национально-экстерриториальной автономии политического типа для украинцев – национальную курию в краевом сейме, национальный кадастр избирателей, фиксированные национальные округа в Восточной Галиции. Начало Первой мировой войны помешало реализации сеймовой избирательной реформы 1914 г., в результате чего частичная национально-экстерриториальная автономия для украинцев в Галиции так и не состоялась.

Заключение

Модернизация национальной политики Австро-Венгрии в условиях дуалистического федерализма предусматривала внедрение отдельных элементов национально-экстерриториальной автономии авторства австрийских социал-демократов. На практике она оказалась не автономизацией, а, скорее, децентрализацией власти на уровне отдельных уездов и общин. Новая австрийская национальная политика характеризовалась введением принципа этничности при формировании списков избирателей, состава краевого сейма и его исполнительного органа, а также школьных советов; обеспечением права национальных сообществ и отдельных индивидов свободно пользоваться

краевыми языками в публичной жизни; внедрением в законодательство понятия обособленных школьных национальных общин, что в комплексе имело место лишь в Моравии. Несмотря на несовершенство предложенных политико-правовых механизмов, „национальные уравнения” в Моравии (1905), на Буковине (1910) и в Галиции (1914) создали законодательную основу для реализации национальными сообществами своих интересов на основе политического сотрудничества и взаимодействия, что должно было смягчить межнациональные конфликты в вышеупомянутых провинциях. Однако новые подходы в реализации национальной политики в Австро-Венгрии не могли в целом решить национальные вопросы, они только отсрочили волеизъявление народов к самоопределению и созданию собственной государственности.